

Экзамены, длившиеся две недели, наконец подходили к концу.

Е Чжоу немного расслабился. Он не стал энергично поглощать книги, как делал это в последние дни. Вместо этого он пошел в супермаркет и купил несколько закусок, чтобы вознаградить себя.

Проходя мимо фруктового киоска, Е Чжоу увидел ярко-желтые лимоны, немного поколебался, затем взял два.

Чжоу Вэньдао с любопытством сказал:

— Лимоны такие кислые, зачем ты их покупаешь?

Е Чжоу рассмеялся.

— Чтобы съесть.

Чжоу Вэньдао нахмурился, как будто уже съел кислый лимон, и спросил:

— И чего ты такой счастливый?

Е Чжоу ничего не сказал, пошел в кондитерскую, взял клубничные конфеты, которые обычно ест Шан Цзинь, и пошел к кассе, чтобы оплатить.

В общежитии остался только Шан Цзинь.

Е Чжоу положил купленные им закуски на стол и спросил:

— Где остальные?

Шан Цзинь ответил, не поднимая глаз:

— Не знаю, они ушли довольно рано.

Е Чжоу зловеще рассмеялся:

— Хе-хе.

Он вытащил лимон из сумки и резко сунул его перед Шан Цзинь.

Шан Цзинь отступил на шаг и уставился на него. Не говоря ни слова, он сумел передать свой смысл: «Ты накурился?»

— Бери.

— Я не хочу этого.

Е Чжоу фыркнул, взял лимон и фруктовый нож вместе и вымыл их под краном. Независимо от желания Шан Цзиня, он произвольно отрезал ломтик лимона и поднес его ко рту.

Шан Цзинь отступил на два сантиметра и снова подчеркнул:

— Я же сказал, что не хочу этого.

— Неважно, хочешь ты этого или нет! — Е Чжоу еще не начал, когда Шан Цзинь увернулся, поднялся со стула и отошел в сторону. Е Чжоу безжалостно преследовал его, не желая отпускать. Он не сдастся, пока не положит лимон в рот Шан Цзинь.

Шан Цзинь был загнан в угол и совершенно беспомощен. В такой ситуации, очевидно, он мог бы использовать только свое ледяное выражение лица, чтобы заставить другого отступить из-за неловкой ситуации, но поскольку он спровоцировал гнев Е Чжоу несколько дней назад, Шан Цзинь мог только позволить Е Чжоу действовать. Столкнувшись с кабедоном Е Чжоу, Шан Цзинь, скрестив руки на груди, вздохнул и собрался заговорить.

Щелчок.

Дверь в общежитие распахнулась.

Лю Юйтянь и Вэнь Жэньсюй застыли на месте от шокирующей ситуации в комнате.

— Простите!!!

Такая сцена случалась слишком часто, что Е Чжоу даже не потрудился протянуть руку в позе Эркана*. По сравнению с тем, чтобы быть принятым за сексуальную дисгармонию, кабедон был просто детской игрой. Он даже мог продолжить движение после того, как дверь закрылась.

— Быстро откуси кусочек.

П.п: Рука Эркана (□□□)

— Какого черта ты хочешь сделать? — Шан Цзинь взял лимон в руку с выражением: «Ты не скажешь, я не съем».

— Такого рода вещи не могут быть сказаны. Ты должен испытать это сам! — это был метод, о котором Е Чжоу подумал, когда увидел, что Шан Цзинь дает ему конфету.

Шан Цзинь извинился перед ним, но он должен был извиниться.

В тот день его отношение также было очень плохим. Он стоял в стороне и критиковал образ жизни Шан Цзиня, в то же время явно ничего не понимая.

Неважно, что люди говорили, будто он самоуверен или вмешивается в чужие дела. Он просто хотел, чтобы Шан Цзинь выбрался из своей скорлупы и познал радости и печали жизни. Он не должен из-за своего страха пораниться вообще ни за что бороться.

Жизнь без цели, какая разница между ней и соленой рыбой!

Е Чжоу выжидающе посмотрел на него, медленно протянул руку в карман и сказал:

— Поторопись, попробуй кусочек.

Шан Цзинь с отвращением посмотрел на лимон в его руке. Даже не пробуя его, он чувствовал исходящую от него кислоту. Наконец он медленно поднес его ко рту и откусил кусочек.

Кислый привкус мгновенно распространился по всему его рту. Зубы Шан Цзиня болели от того, что он ел яблоки все эти дни. Кто знает, какое безумие овладело Е Чжоу, чтобы заставить его настоять на том, чтобы он съел лимон.

Как будто все еще недостаточно, теперь, когда Шан Цзинь был настолько кислым, что не хотел говорить, Е Чжоу все еще болтал ему на ухо:

— Каков вкус? Кислый?

Терпение Шан Цзиня лопнуло, и он впился в него взглядом.

— Заткнись.

— Похоже, он очень кислый, — Е Чжоу взял конфету в руку и быстро открыл ее. Прежде чем Шан Цзинь успел отреагировать, он сунул ее ему в рот.

Сладость клубничного леденца медленно распространялась, постепенно покрывая терпкость

лимона.

Шан Цзинь много раз ел клубничные конфеты, но ни одна из них не была такой сладкой, как сегодняшняя.

— Какую марку ты купил?

— О, это обычная конфета как всегда, — чтобы он поверил, Е Чжоу показал ему обертку и загадочно улыбнулся. — Тебе не кажется, что на этот раз она особенно вкусна?

Шан Цзинь промолчал, но молчаливо подтвердил его слова.

Е Чжоу сделал несколько шагов, сел обратно в кресло и сказал:

— Когда мы были в начальной школе, мы все любили говорить некоторые известные афоризмы, чтобы напомнить себе. Какую фразу ты слышал больше всего в то время?

— Может ли твоя мысль не скакать вот так?

Е Чжоу также не рассчитывал на его ответ и сказал по собственному желанию:

— То, что я слышал больше всего в то время, было «Лезвие меча было заточено на точильном камне, аромат цветка сливы исходил от горького холода» или «Не проходя через пронизывающий холод, как может цветок сливы быть таким ароматным». Что касается смысла этих двух фраз, я полагаю, что тебе не нужно объяснять.

П.р.: 磨刀不误砍柴工 — меч становится острым благодаря точению, а аромат цветов сливы возникает благодаря суровому холоду, образно только непрерывное старание и самосовершенствование делает человека успешным.

— Ты кормишь меня куриным супом?

П.р.: 鸡汤 — куриный суп для души, то есть хорошие мотивационные истории.

— Ты такой надоедливый, дай мне закончить! — Е Чжоу пожаловался, а затем продолжил: — Прежде чем ты сказал, что я перенес невыразимые трудности и каждый раз возвращался разочарованным, я признаю это.

Шан Цзинь слегка нахмурился и сказал:

— Я думал, что эта страница уже перевернута.

— Но есть одна вещь, с которой я не согласен, — перебил его Е Чжоу, — может быть, многие люди думают, что я жалок, но я так не думаю. Я чувствую себя непримиримым, но никогда не буду жалеть себя. Давление и препятствия — вот моя мотивация двигаться вперед. Проходя через эти переживания, чувство удовлетворения после достижения успеха несравнимо. Твоя жизнь идет хорошо, и ты не думаешь, что нужно испытывать боль от неудач, но без них как ты можешь испытывать величайшее счастье и радость? Точно так же, как клубничная конфета, которую ты только что съел, только после кислинки ты можешь почувствовать, насколько драгоценна сладость.

Когда он сказал это, глаза Е Чжоу вспыхнули.

Шан Цзинь склонил голову и избежал взгляда Е Чжоу. То, чем обладал Е Чжоу, было именно тем, чего ему не хватало больше всего.

— Говорят, что радугу можно увидеть после бури. Хотя это клише, но на самом деле это правда, — Е Чжоу тяжело похлопал Шан Цзиня по плечу. — Мы так молоды, а буря уже пришла. Если мы собираемся на вершину, то до тех пор, пока мы не рухнем под ветром и дождем, мы никогда не будем съезживаться.

Шан Цзинь усмехнулся и улыбнулся так, как Е Чжоу никогда раньше не видел. Е Чжоу, может быть, и не самый лучший, но он определенно был человеком, которого меньше всего могли сбить с ног трудности. Так что даже если его родители закрывали на него глаза в течение стольких лет, он все равно тихо шел туда, где люди ничего не замечали, и молча собирал свои силы и ждал последнего полета. Шан Цзинь наконец понял, почему Е Чжоу был так зол в тот день. Хотя он никогда не был первым, он всегда гордился тем, чего достиг.

— А кто из них с тобой? — Шан Цзинь оттолкнул руку Е Чжоу, взял лимон и сунул его в рот Е Чжоу. — Позволь и тебе тоже испытать сладость клубничных конфет.

— Тьфу, тьфу!!! — Е Чжоу быстро выплюнул лимон во рту, — я больше всего ненавижу кислое.

— Если у тебя есть время заниматься этой ерундой, почему бы тебе не поторопиться с обзором? — Шан Цзинь вытащил учебник и положил его на стол. — Ты сам просил меня быть серьезным, так что, в конце концов, не проигрывай слишком сильно.

— Могу ли я все еще бояться тебя?

Эти два человека писали обзор в течение дня. Около пяти часов из-за двери общежития донесся легкий шум.

Сначала Е Чжоу подумал, что это возвращаются Лю Юйтянь и Вэнь Жэньсюй, но он не обратил на это внимания, продолжая читать свою книгу. Но шум стоял уже три минуты, а никто так и не вошел. Е Чжоу почувствовал, что это немного странно, и отодвинул свое вращающееся кресло назад. Подойдя вплотную к креслу Шан Цзиня, он наклонился и шепотом спросил:

— Ты слышал?

— Слышал, не обращай внимания. Они, сами, придут, когда захотят.

— Это ведь не будет чья-то шутка, верно? — он вообще не слышал, как поворачивается ключ. Е Чжоу встал и подошел к двери. Не решаясь внезапно открыть дверь, он осторожно приоткрыл ее.

Шан Цзинь был тверд, как гора Тай, и ни на йоту не отвлекался.

— Ты слишком нетерпелив?

Е Чжоу взялся за ручку двери. Во всяком случае, он действительно не мог сохранять спокойствие.

Он открыл дверь общежития, и Лю Юйтянь и Чжоу Вэньдао, которые были прикреплены к двери, почти упали на Е Чжоу. Е Чжоу уклонился в сторону и спросил:

— Что вы делаете?

У входа, кроме Лю Юйтяня и Чжоу Вэньдао, стояли также Вэнь Жэньсюй и Сю Янцзюнь. Увидев, что Е Чжоу выходит, они заложили руки за спину, заставляя себя смеяться над ним с одной стороны и бросая взгляд на дверь общежития с другой.

Е Чжоу проследил за их взглядами, а затем увидел табличку в середине двери общежития с 25-сантиметровой биркой, свисающей с крючка.

— Закрыто, — Е Чжоу прочитал слово на лицевой стороне, затем перевернул его. — Открывая, подумай зачем? Ты хочешь что-нибудь продать?

Два соседа по комнате и два бывших соседа по комнате, стоявшие у входа: «Ты толкнул меня, я толкнул тебя», «Я толкнул тебя, ты толкнул меня», — но ничего не говорили.

Е Чжоу указал на табличку и снова спросил:

— Чье?

Лю Юйтянь был вытеснен тремя другими людьми. Он слегка кашлянул и польстил:

— Это должно быть удобно для вас и Шан Цзиня... из-за ваших особых отношений с Шан Цзинем, в будущем, если вы оба будете в заняты... просто разверните табличку в положение

закрыто. Когда мы это увидим, просто... ну, вы понимаете! Когда вы закончите, переверните ее на открыто, и мы, естественно, вернемся.

— Нелегко разговаривать со своим объектом в общежитии. Мы постараемся сделать это как можно удобнее, — Чжоу Вэньдао выделился, чтобы претендовать на одобрение, — это была моя идея.

— Хорошая идея, — Е Чжоу неискренне улыбнулся, безжалостно ткнув пальцем в голову Чжоу Вэньдао, и сказал: — Каждый из вас, ребята, о чем вы думаете днем и ночью? Не можете придумать что-нибудь более здоровое? Сколько раз было сказано: между мной и Шан Цзинь ничего нет. Почему вы не верите в это?

— Ладно, ладно, ничего, ничего, — небрежно ответил Вэнь Жэньсюй, а затем с улыбкой добавил: — Так вы закончили? Мы можем войти?

Е Чжоу схватился за голову. Иметь группу одноклассников, которые не понимают человеческой речи, было действительно утомительно в сердце!!

Шан Цзинь подождал, пока они войдут, потом подошел к двери и посмотрел на нее. Он перевернул бирку и сказал:

— Хорошо, тогда после этого вы, ребята, не возвращайтесь ночью. Кто станет делать что-то среди бела дня?

Лю Юйтянь встревожено сказал:

— Эй, эй... это немного...

Шан Цзинь невинно сказал:

— Разве это не то, что ты сказал, давая нам немного времени?

Лю Юйтянь и Вэнь Жэньсюй: «...»

На следующий день Шан Цзинь подождал, пока Лю Юйтянь и Вэнь Жэньсюй выйдут, затем нарочно подошел к двери и повернул табличку на «Закрыто».

— Что ты делаешь! — Е Чжоу подошел и попытался перевернуть его. — Вот так все будут неправильно думать, что мы чем-то заняты.

Но Шан Цзинь рассмеялся, не говоря ни слова, и упрямо закрыл дверь.

Не прошло и десяти минут, как Е Чжоу услышал, что снаружи послышались еще какие-то шаги. Не только это, но и голоса доносились из дверей общежития. Голоса были негромкими, но поскольку в общежитии было очень тихо, Е Чжоу и Шан Цзинь смогли их услышать.

Двое мужчин посмотрели друг на друга. Е Чжоу подошел к двери и рывком распахнул ее.

У его ног приземлилась группа знакомых лиц.

— Хе-хе... Чжоу, мы просто... проходили... проходили мимо...

Е Чжоу фыркнул и потянул табличку вниз. Держась руками за каждую сторону, он приложил немного силы, и акриловая табличка, просуществовавшая менее 24 часов, была сломана и выброшена в мусорное ведро.

Е Чжоу стряхнул пыль с рук и сказал:

— Завтра экзамен. Будьте осторожны, чтобы я не проклял вас на коллективный провал.

Пройдя через ту черную экзаменационную неделю, когда Е Чжоу и Шан Цзинь поссорились, кто осмелится недооценивать силу богов испытаний? Группа людей карабкалась друг на друга, чтобы избежать сцены, из-за страха быть измученной негодованием Е Чжоу.

— Действительно нужно ограничивать эту группу людей.

<http://bllate.org/book/13111/1160411>